

Я. С. Смирнова

СВАДЕБНЫЙ ДАРООБМЕН У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ МОДИФИКАЦИЯ

Свадебное одаривание возникло, по-видимому, уже вместе с простейшим свадебным обрядом, а следовательно, и с парным браком. Во всяком случае оно было хорошо известно в традиционном обществе коренного населения Австралии¹ и, по мнению Ю. И. Семенова, вообще в подавляющем большинстве доклассовых обществ². Дальнейшее развитие этот обычай получил в эпоху разложения первобытнообщинного строя, когда все виды дарообмена приобрели особенно широкое распространение как выражение специфичной для данного времени экономики переходного периода. Тогда же, в условиях зарождавшегося имущественного и общественного неравенства, дарообмен впервые подвергся социальной трансформации, становясь неодинаковым по составу и ценности подарков в различных слоях населения.

У народов Северного Кавказа, стоявших до Великой Октябрьской социалистической революции на близких ступенях разложения патриархально-феодального строя, свадебный дарообмен практиковался в сходных, а иногда и в тождественных формах. Инициатива в одаривании принадлежала стороне жениха, и она же делала более ценные подарки, в то время как сторона невесты только отдаривала. При этом, как правило, дарообмен не был непосредственным: ответные подарки делались не сразу, а известное, часто значительное время спустя. В то же время, судя по литературным и полевым данным, в свадебном взаимоодаривании даже у одного и того же народа имелись локальные и временные различия, почему мы здесь и остановимся лишь на важнейших, наиболее распространенных элементах свадебного дарообмена.

У адыгов, как сообщал в 1840-х годах Хан-Гирей, при сговоре жених делал отцу или брату невесты подарок, называемый *ауж* (залог)³. По более поздним сведениям Л. В. Малинина, основной подарок, конь, делался матери невесты, хотя одаривались также другие члены семьи и аталык; к концу XIX в. основной подарок уже рассматривался как залог и подарками-залогами обменивались сами жених и невеста⁴. Тем не менее обыкновение дарить лошадей у адыгов или по крайней мере некоторых их локальных групп сохранилось: по В. В. Василькову, в 1900-х годах у темиргоевцев вместе с калымом матери невесты давалась в подарок лошадь стоимостью в 100—150 рублей⁵. Члены

¹ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, с. 113.

² Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 197.

³ Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов.— Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974, с. 184.

⁴ Л. В. Малинин. О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев.—«Этнографическое обозрение» (далее—ЭО), 1890, № 3, с. 8.

⁵ В. В. Васильков. Очерк быта темиргоевцев.—«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее—СМОМПК), в. XXIX, 1901, с. 91.

семьи, родственники и даже соседи невесты одаривались также и при ее увозе⁶. У балкарцев и карачаевцев лошадь или пара быков дарились отцу или брату невесты при заключении брачного договора — наяха; по лошади получали также старший брат, старший дядя по материнской линии и аталычка невесты⁷. У осетин жених, посещая в период между сговором и свадьбой дом родителей невесты, в конце XIX в. также должен был подарить матери невесты лошадь, ей же и невесте — отрезы на платье, шали и другие предметы женского убранства. Позднее лошадей дарить перестали, но продолжали делать менее значительные подарки будущим теще и тестю⁸. Жених здесь сразу получал ответный дар — что-нибудь из одежды⁹. У чеченцев и ингушей, по сведениям В. Н. Акимова, жениху одаривать невесту не полагалось, и подарки он делал после свадьбы ее матери и сестрам. Невесте мог что-нибудь подарить младший брат жениха¹⁰.

Со своей стороны, семья невесты уже до свадьбы готовила подарки. У большинства народов Северокавказского региона они делились на прямые, специально предназначенные для одаривания семьи и родни жениха, и косвенные — вещи невесты, которые ей также полагалось раздать ее новым родственникам. Согласно распространенному в кавказоведческой литературе взгляду, прямыми подарками некогда были только рукоделья невесты, которыми она демонстрировала свое мастерство; вещи же невесты первоначально раздавались для того, чтобы в новой обстановке она носила все новое. В конце XIX — начале XX в. в подарок чаще всего давались вышитые кисеты и чехлы для оружия, шнуры или цепочки для пистолетов и часов, нарядная одежда, отрезы ткани, обувь, головные уборы, женские украшения и т. п. У адыгов большая часть как прямых подарков (*пхъуантэдалъ* — то, что лежит в сундуке, чемодане), так и вещей невесты (*нысетын*) распределялась после свадебного праздника, при снятии запрета невестке общаться со свекровью и другими новыми родственниками (кроме самых старших)¹¹. О балкарцах Н. Грабовский сообщает, что в «день открывания лица» молодая раздавала свое «приданое» родственникам и близким знакомым мужа, после чего отправлялась в родной дом, чтобы вновь собрать среди своих родственников и аульчан «действительное приданое»¹². Сходного обычая, по Н. Е. Талицкому, придерживались карачаевцы: через год после одаривания родственников молодая возвращалась к родителям за новыми подарками¹³. Раздача невестой привезенного с собой имущества (*тешкен чепкенлери* — снятие платка) даже повела к известной нечеткости в пользовании балкаро-карачаевскими терминами *берне* (подарок) и *сый* (угощение). Некоторые авторы обозначают первым из них

⁶ М. А. Меретуков. Формы заключения брака у адыгов. — «Уч. зап. Адыгейского НИИ истории, языка и литературы», т. XIII. — «История и этнография». Майкоп, 1971, с. 342—343.

⁷ Н. Ф. Грабовский. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. — «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), в. II, 1869, с. 15; В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. — СМОМПК, в. XIX, 1892, с. 176; Н. Е. Талицкий. Очерки Карачая. — СМОМПК, в. XLI, 1909, с. 147.

⁸ А. Х. Магомедов. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968, с. 350.

⁹ Дж. Шанаев. Свадьба у северных осетин. — ССКГ, в. IV, 1870, с. 14.

¹⁰ В. Н. Акимов. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей. — «Сборник материалов по этнографии, издаваемый Дашковским этнографическим музеем», в. III, 1888, с. 146.

¹¹ Т. Кашежев. Свадебная обрядность кабардинцев. — ЭО, 1892, № 15, с. 149; В. В. Васильков. Указ. раб., с. 99; Г. Х. Мамбетов. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев. — «Вестник Кабардино-Балкарского НИИ», в. 5. Нальчик, 1972, ч. 96; И. Х. Қалмыков. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974, с. 215; М. А. Меретуков. Свадьба у кабардинцев и черкесов. — «Сборник статей по этнографии Адыгеи». Майкоп, 1975, с. 180.

¹² Н. Ф. Грабовский. Указ. раб., с. 18.

¹³ Н. Е. Талицкий. Указ. раб., с. 147.

приданое, а вторым — взаимные свадебные подарки¹⁴. Между тем, по нашим полевым данным, правильное обозначение приданого — *юй керек*, подарков (в прошлом только съедобных) стороны жениха — *сый*, подарков стороны невесты — *берне*. Отсюда карачаевская поговорка: «каков сый — таково берне». В отношении кубанских ногайцев известно, что у них уже в доме родителей невесты совершался обряд *сандык коьргустув* — «показ сундука» с подарками невесте от ее близких, после чего часть подарков отправлялась родне жениха¹⁵.

Равным образом и у осетин после свадебных торжеств в ознаменование прекращения запрета молодой прятаться от родни жениха совершался обряд *чындза чырын гом каенын* (вскрытие сундука невесты): вещи демонстрировали собравшимся женщинам и раздавали новой родне¹⁶. Сведения о чеченцах и ингушах менее определены, однако, по В. Н. Акимову, у них невеста привозила в дом сверх приданого подарки жениху и всем членам его семьи¹⁷, а по К. Борисевичу, молодая начинала показываться свойственникам только после того, как делала им подарки¹⁸.

Помимо этого основного обмена подарками, которому придавалось наибольшее значение, практиковались, даже если оставить в стороне всякого рода одностороннее одаривание в свадебном обряде (односельчан невесты — поезжанами, музыкантов — гостями и т. п.), и иные виды дарообмена. Так, у адыгов через несколько дней после свадьбы близкие родственники жениха и невесты обменивались визитами, причем в обоих случаях происходил также и обмен подарками¹⁹. У осетин после сговора родители жениха посылали подарки родителям невесты, а после свадьбы родители невестки — родителям зятя²⁰. У балкарцев в привилегированных сословиях с невестой в ее новую семью отправляли приближенную женщину — *дигизу*, чтобы та год-другой во всем ей помогала. Перед возвращением домой дигиза устраивала угощение и посылала подарки родственникам молодой семьи, в свою очередь получая подарки от всех жителей аула²¹. У кубанских ногайцев существовал обычай *кудагый ас* (пища для сватев), по которому родственники жениха назавтра после свадьбы должны были отправить родственникам невесты чемоданы с угощением и отрезами ткани, а те — вернуть чемоданы с более длинными отрезами²². Вообще, как писал Л. В. Малинин, характеризуя взаимное одаривание сторон у народов Северного Кавказа, «платежей этих в форме различных подарков со стороны жениха невесте и ее родным и обратно существует весьма много и в самых разнообразных ценностях»²³.

Вместе с тем многие авторы обращали внимание на разительное различие в составе и ценности подарков у разных слоев населения. В первые послереформенные годы Н. Ф. Грабовский отмечал, что всех описанных им обычаев одаривания строго придерживаются только привилегированные классы, «у простолюдинов же принято делать все

¹⁴ См. М. Ч. Кучмезова. «Берне» и «сый» в современной балкарской свадьбе. — «Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности». Нальчик, 1975, с. 146—147.

¹⁵ Р. Х. Керейтов. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. — «Сов. этнография», 1973, № 3, с. 86.

¹⁶ А. Х. Магомедов. Указ. раб., с. 364—365.

¹⁷ В. Н. Акимов. Указ. раб., с. 145—146.

¹⁸ К. Борисевич. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа — ЭО, 1899, № 1—2, с. 239.

¹⁹ Г. Х. Мамбетов. Указ. раб., с. 102—103; М. А. Меретуков. Свадьба у кабардинцев и черкесов, с. 184—185.

²⁰ А. Х. Магомедов. Указ. раб., с. 349, 364.

²¹ Н. Ф. Грабовский. Указ. раб., с. 21—22.

²² Р. Х. Керейтов. Указ. раб., с. 87—88.

²³ Л. В. Малинин. Указ. раб., с. 43.

это гораздо проще». Он же, возлагая надежды на Крестьянскую реформу, считал, что в недалеком будущем «выйдут из моды значительные подарки, делавшиеся ради поддержания таубиевского достоинства, и наоборот, бедному и бывшему задавленному классу горцев представится возможность в свою очередь делать свадебный сюрприз родным невесты чем-нибудь получше куска в пять-шесть аршин миткаля или бязи»²⁴. Однако и двадцать с лишним лет спустя Л. В. Малинин повторил слова Н. Ф. Грабовского о бедняках, ограничивающихся в своем свадебном подарке «каким-нибудь куском в пять-шесть аршин миткаля или бязи»²⁵. Соответственно еще скромнее в широких слоях населения были подарки стороны невесты.

Свадебный дарообмен выполнял по крайней мере две важные функции. Как и всякое взаимоодаривание в патриархально-родовом и раннеклассовом обществах, он способствовал завязыванию и упрочению связей между такими социальными структурами, как патронимия, фамилия, сельская община, и именно поэтому был кровным делом этих коллективов, которые по обычаю должны были помогать заинтересованным семьям. У всех народов Северного Кавказа не только родственники, но и односельчане участвовали в свадебных угощениях и одариваниях. И наоборот, подарки на свадьбе часто делались не только родне, но и почетным гостям-односельчанам²⁶. Вместе с тем свадебный дарообмен непосредственно способствовал установлению добрых отношений между роднившимися путем брака семьями и в особенности упрочению положения молодой женщины в ее новой семье, так как подаренным наряду с приданым в значительной мере определялся ее и ее близких престиж среди родственников. Богатые подарки повышали, бедные — понижали престиж брачавшихся, их семей, всей их родни. При всем том зачастую ни одна из сторон не получала заметной материальной выгоды, на что обращали внимание уже дореволюционные бытописатели горской жизни. Так, Н. П. Тульчинский писал: «Калым в широких размерах — это бич горского населения, так как, разоряя одну семью, он не обогащает и другую, которая все полученное в калым с прибавлением своего тратит на подарки и различные угощения»²⁷.

Такое положение в основном сохранялось на Северном Кавказе и в первое десятилетие после установления Советской власти, когда значение свадебного одаривания даже возросло из-за того, что законодательно запрещенный и преследуемый в судебном порядке калым часто принимал скрытую форму подарков²⁸. Значительные подарки семье невесты в свою очередь вели к столь же значительному одариванию. Хотя с этой практикой пробовали бороться вплоть до запретительных постановлений (например, в Кабардино-Балкарии)²⁹, она продолжала удерживаться и в 1930-х годах³⁰, правда, заметно сузившись, так как

²⁴ Н. Ф. Грабовский. Указ. раб., с. 18, 23.

²⁵ Л. В. Малинин. Указ. раб., с. 46.

²⁶ Т. Кашежев. Указ. раб., с. 151, 154; В. В. Васильков. Указ. раб., с. 95—96; М. А. Меретуков. Свадьба у кабардинцев и черкесов, с. 169; Г. Х. Мамбетов. Указ. раб., с. 103, 107—108, 110; его же. Пища в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев. — «Вестник Кабардино-Балкарского НИИ», в. 6. Нальчик, 1972, с. 107, 111; Н. Ф. Грабовский. Указ. раб., с. 18; В. Н. Акимов. Указ. раб., с. 147; Б. Далгат. Материалы по обычному праву ингушей. — «Изв. Ингушского НИИ краеведения», в. II—III. Владикавказ, 1930, с. 334—335.

²⁷ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. — «Терский сборник», в. 5, 1903, с. 209.

²⁸ Э. Хадарцев. Похищение горянок и калым. — «На подъеме», 1928, № 8, с. 65; Ф. Макаров. Бытовые преступления среди горцев. — «Революция и горец», 1929, № 3, с. 55.

²⁹ См. Г. Х. Мамбетов. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балканцев, с. 106.

³⁰ Е. Чистякова. Религия и бытовое положение женщины у шапеугов. — «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года». М.,

в это время коллективизация сельского хозяйства, ликвидация кулацкой верхушки и ограничение активности духовенства повели к упрощению всех, а в особенности дорогостоящих семейно-общественных обрядов. Взаимное одаривание на свадьбах не исчезло, но все чаще приобретала ограниченный и даже более или менее символический характер. Так у адыгейцев недорогое украшение или отрез ткани на платье, вышитый кисет или мужская рубаша стали считаться незастойным подарком на свадьбе. В годы Великой Отечественной войны и в нелегкие первые послевоенные годы сужение обрядовой практики и в том числе свадебного взаимоодаривания естественным образом продолжалось.

Новое оживление семейно-общественной обрядности началось в 1950-х и еще более в 1960-х годах. В основе этого явления, как всегда лежат экономические причины — значительно возросшее благосостояние всех слоев советского общества, но немалую роль играют также и факторы психологического порядка. Суровые годы войны и тяготы восстановительного периода породили острую потребность в веселом сборище, празднике, праздничном обряде. Едва ли не лучшую возможность для этого предоставляло одно из самых ярких событий в жизни человека и его близких — свадьба. А вместе со свадебной обрядностью оживился свадебный дарообмен, в котором традиционные черты переплелись теперь с культурно-бытовыми инновациями.

В современном свадебном взаимоодаривании у народов Северного Кавказа в основном сохраняется приуроченность подарков к важнейшим моментам обрядового цикла — сговору, перевозу невесты в дом жениха или его родителей, знакомству новобрачной с родней мужа и т. п. Сравнительно широко удерживается обычай, по которому подарки делаются многочисленной родней и столь же многочисленной родне, продолжающей считать свадьбу своим общим делом. Не остаются в стороне и соседи. Все же у большинства народов Северокавказского региона круг одариваемых и одаривающих несколько сузился. Существенно и то, что там, где еще раздают вещи невесты и полученные ею подарки, лучшие из них оставляют ей самой. Церемония одаривания нередко и все чаще совмещается: так, у адыгских народов в прошлом отдельные обряды наделяния родни жениха специальными подарками и вещами невесты слились или сливаются воедино. Все шире распространяется лишенное традиционных корней обыкновение одаривания обоим новобрачным их родственниками, друзьями и товарищами по работе памятными подарками. Придавая этому нововведению большое значение, общественность пропагандирует его на страницах газет и в примерных рекомендациях свадебных сценариев, разработанных республиканскими или областными комиссиями по внедрению в быт новой обрядности³¹.

Однако традиции свадебного дарообмена видоизменяются сегодня не только к лучшему. Некоторые из них сегодня имеют свои теневые стороны. Как известно, подъем материального благосостояния широких слоев населения нередко опережает рост культурного уровня. Из-за этого многие свадьбы (как, впрочем, и некоторые другие обряды — похороны, поминки) превращаются в своего рода предмет соревнования в щедрых тратах, приобретают престижный характер. Подобные явления не специфичны для Северного Кавказа; и в других регионах страны,

1940, с. 29; С. Д. Кулов. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941, с. 18.

³¹ См., например: газ. «Знамя социализма» (Лазаревское), 10 декабря 1959 г.; «Примерные рекомендации о внедрении в быт новых советских праздников, традиций и гражданских обрядов». Орджоникидзе, 1966, с. 20; «Новые советские праздники, традиции и обряды — в быт трудящихся (примерные рекомендации)». Орджоникидзе, 1970, с. 21.

С подарками на свадьбу. С. Псыж Карачаево-Черкесской автономной области

в том числе в центральной России, новобрачные и их родня часто как бы состязаются в свадебных тратах — количестве приглашенных, классе ресторана, богатстве свадебного стола и т. п. Но у народов Северного Кавказа одним из наиболее широких (если не самым широким) каналов соревнования в престижных тратах стало традиционное свадебное взаимоодалживание. Отдельные его элементы гипертрофируются, некоторые полузабытые — воскрешаются. Так, у кабардинцев скромный еще в конце 1940-х годов дарообмен при взаимных визитах родственников жениха и невесты, по характеристике Г. Х. Мамбетова, «принял большие масштабы». Не только родители жениха, но и его братья, сестры, дядя, тетки и более дальние родственники отправляют свои корзины с угощением и чемоданы с даримыми вещами, получая обратно эти корзины и чемоданы с другими подарками. Количество подарков из года в год увеличивается³². У кубанских ногойцев в последнее время возродился уже отмечавшийся выше обряд кудагый ас³³. У балкарцев, карачаевцев, осетин распространяется проникшее на Северный Кавказ из Закавказья обыкновение дарить невесте много золотых колец и перстней с тем, чтобы ее близкие ответили тем же на свадьбе дарителя или его близких. Еще более яркий пример ставшего гипертрофированным свадебного одаривания — карачаевские и балкарские подарки родне жениха — берне, которые за последние два десятилетия неимоверно возросли в количестве и ценности. Причины их увеличения (поначалу «несбалансированного», но с каждым годом все больше уравновешивающегося подарками другой стороны) не вполне ясны. Все же можно предполагать, что решающую роль здесь сыграло существовавшее до последнего времени преобладание невест из-за демографических последствий Великой Отечественной войны в соединении с очень

³² Г. Х. Мамбетов. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев, с. 108—110.

³³ Р. Х. Керейтов. Указ. раб., с. 87—88.

высокими доходами карачаевских и балкарских животноводов. Во всяком случае в настоящее время в Карачаево-Черкесии, например, ногайская свадьба противопоставляется карачаевской как образец умеренной³⁴. Некоторые из наших информаторов — карачаевцев и балкарцев высказывали мнение, что берне сейчас раздается значительно более широкому кругу родственников, чем это делалось зажиточными людьми в дореволюционном прошлом.

Вообще карачаевские и балкарские свадьбы с характерным для них дарообменом занимают ведущее место в Северокавказском регионе. По данным этносоциологического исследования, проведенного в 1974 г. Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом, общие расходы на свадьбу каждой из сторон нередко достигают здесь 10—14 тыс. рублей, в том числе расходы на берне — 4—6 тыс. рублей. Вот приблизительный перечень расходов стороны невесты, рабочей совхоза, на одной из свадеб в карачаевском ауле Верхняя Теберда в 1974 г.³⁵:

1. Приданое	9000 рублей
2. Угощение поезжан в доме невесты	300 рублей
3. Свадебный костюм	230 рублей
4. Убранство автомашин	102 рубля
5. Раздача вещей невесты (20 платьев)	600 рублей
6. Берне (свекрови, свекру, дядьям и теткам мужа по отцовской и материнской линии, их мужьям, членам семьи, в которой скрывался жених во время свадьбы, свадебному дружке и другим)	5212 рублей
Итого	15 444 рубля

Аналогичные суммы расходов, в том числе на берне, приводимые социологами Карачаево-Черкесии³⁶, свидетельствуют, что такая «богатая» свадьба отнюдь не является исключением.

Как культурно-бытовое явление свадебный дарообмен трудно оценить однозначно. Психологически понятна радость получить и сделать подарок, привычен и традиционный взгляд на обмен подарками как на средство укрепить связь между людьми. Но это так лишь до тех пор, пока в дарообмене соблюдается мера. С потерей меры он становится разорительным: «одаривали сватов и выдоились, как коровы», — гласит ногайская поговорка. Бывает, что тяжесть дарообмена, равно как и других свадебных расходов, заставляет надолго откладывать саму свадьбу, а то и устраивать заключение брака. Не случайно у карачаевцев и балкарцев, у которых эти расходы самые высокие в Северокавказском регионе, и средний брачный возраст выше, чем у соседних народов³⁷. Обременительность свадебных трат — одна из причин того, что с браком поговору продолжает безуспешно конкурировать брак уходом, т. е. фиктивное похищение³⁸. Бывает и так, что взаимные счеты сторон, недовольство родственников полученными подарками приводят к ссорам в семье и расторжению уже заключенных браков³⁹. В практике дарообмена вырабатываются определенные стандарты «щедрости», между тем доходы различны, и для части населения эти стандарты

³⁴ «Новый быт — новые обычаи (формирование прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии)». Ставрополь, 1977, с. 47.

³⁵ Архив Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, языка и литературы. Фонд этносоциологического исследования 1974 г.

³⁶ «Новый быт — новые обычаи...», с. 44.

³⁷ См. Я. С. Смирнова. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы Советской власти. — «Сов. этнография», 1973, № 1.

³⁸ См. Я. С. Смирнова. К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа). — «Проблемы типологии в этнографии». М., 1979.

³⁹ См., например: «Адыгейская правда» (Майкоп), 12 декабря 1961 г.; «Кабардино-Балкарская правда» (Нальчик), 5 августа 1964 г.

обременительны. Вот что показало, например, этносоциологическое исследование, проведенное в 1973 г. среди сельского населения Северной Осетии ⁴⁰:

Посильность свадебных расходов, % к числу опрошенных	Все население	Мужчины	Женщины
Посильны	30,0	28,7	25,4
Посильны, но обременительны	58,8	61,0	61,1
Непосильны	7,2	7,2	7,9

Можно думать, что фактически доля респондентов, рассматривающих принятые расходы как обременительные или непосильные, еще выше, так как среди женщин, обычно придающих меньше значение «престижности» ответа, она несколько больше, чем среди мужчин.

Наконец — и это, на наш взгляд, самое тяжкое из последствий практики неумеренного свадебного взаимоодалживания — подобная практика уродует психику человека. Становящееся почти обязательным следование принятым стандартам во избежание осуждения родными, знакомыми, соседями культивирует отсталое, обывательское понимание престижа семьи и родственной группы. И что еще хуже, эта практика разжигает дух накопительства. На последнее обстоятельство справедливо обратила внимание карачаево-черкесская областная газета в редакционной статье «Искореним берне и калым». «Среди людей, „преданных“ берне и калыму, — говорится здесь, — есть и такие, которые, начиная с рождения ребенка, всю свою жизнь посвящают накоплению принадлежностей берне. У них цель одна — наполнить сундуки дорогими вещами, чего бы это ни стоило. Во имя накопительства они заставляют членов своих семей трудиться день и ночь, не зная отдыха и веселья, часто отравляют детей от школы, лишают их счастья детства и юности» ⁴¹.

Тенденции развития престижных элементов свадебного дарообмена, своего рода фетишизация свадебных затрат, вызывают серьезную озабоченность передовой общественности народов Северного Кавказа. Сюда как нельзя более подходят слова Л. И. Брежнева в его докладе на XXV съезде КПСС: «Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мешанской, мелкобуржуазной психологии» ⁴². Особенно остро (главным образом из-за того же берне) стоит вопрос об изживании непомерного свадебного дарообмена в Карачаево-Черкесии, где меры борьбы с ним обсуждаются на партийных активах, в прессе, в докладах и публикациях работников Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Есть призывы к законодательному запрещению берне: так, У. К. Гагуев, правильно указывая на взаимосвязь берне и калыма, считает целесообразным внести в диспозицию ч. I ст. 232 Уголовного кодекса РСФСР, наряду с понятием калыма понятие «обратного одаривания» родителей или родственников жениха родителями или родственниками невесты ⁴³. Однако калым и берне нельзя ставить в один ряд. Брачный выкуп запрещен законом, потому что он как таковой является посягательством на достоинство и права женщины. Другое дело одаривание: хотя оно и связано с калымом функционально, но само по себе не является преступным посягательством. Здесь дело касается доста-

⁴⁰ Архив Северо-Осетинского НИИ, материалы этносоциологического исследования 1973 г.

⁴¹ «Ленинское знамя», 31 августа 1974 г.

⁴² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 78.

⁴³ «Новый быт — новые обычаи...», с. 80.

точно интимной области родственных взаимоотношений, и запретительные меры, подобные применявшимся в 1930-х годах в Кабардино-Балкарии, неуместны. Тем необходимее усиление идейно-воспитательной работы.

Этносоциологические исследования, проведенные в 1970-х годах в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, подтвердили уже ранее сделанный на основе собственно этнографических методов вывод, что важнейшим препятствием на пути изживания вредных и формирования прогрессивных традиций является общественное мнение консервативной части населения. Как правило, предпочтения, высказанные респондентами индивидуально, опережают реальность, складывающуюся в обстановке психологического воздействия родственников и односельчан, в том числе и их традиционно наиболее уважаемой части — старых людей⁴⁴. Однако не все старики консервативны: среди них немало людей, устанавливавших на Северном Кавказе Советскую власть и отстаивавших ее завоевания. Поэтому представляется очень перспективной распространяющаяся в этом регионе в последние десятилетия практика привлечения к борьбе за новую обрядность сельских «советов старейших», обращения к их традиционному авторитету. Такая практика складывается, в частности, в Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии. Разумеется, «советы старейших» — лишь один из каналов формирования и организации передового общественного мнения, наряду с которым должны в полной мере использоваться и такие широкие каналы, как массовые средства информации, лекционная пропаганда, влияние общественных организаций.

⁴⁴ Подробнее см.: Я. С. Смирнова. Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев. — «Сов. этнография», 1977, № 2, с. 78—79; «Новый быт — новые обычаи...», с. 65.